

ЛЮБОВЬ ОРЛОВА

Королева кино

Мне всегда будет
тридцать девять

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ БИОГРАФИИ

Эксклюзивные биографии

Любовь Орлова

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.161.1-311
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Любовь Орлова / «Издательство АСТ», 2015 — (Эксклюзивные биографии)

Она была самой популярной женщиной в СССР и женой врага народа. Дворянка играла ткачих и крестьянок, ее карьера достигла пика в тревожные тридцатые годы. О ее личной жизни долго время не было известно ничего. Она невероятно много работала, а популярность не вскружила ей голову. О ней она говорила так: «Знаете, что в этом самое замечательное? То, что мое имя дает мне возможность очень многое сделать для других». Любовь Орлова...

УДК 821.161.1-311
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

, 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Любовь Орлова

Автор-составитель Е. А. Мишаненкова

© ООО «Издательство АСТ», 2015

1961 год...

Год великого переворота в сознании людей.

Человечество преодолело земное притяжение и дотянулось до звезд. Советский космонавт Юрий Гагарин первым из людей взглянул на Землю из космоса и вернулся с орбиты уже в статусе небожителя. Человеком № 1 на планете.

Его буквально рвали на части: все, от простых рабочих до королей и президентов мечтали с ним познакомиться, а на любом мероприятии, где он появлялся, немедленно выстраивалась огромная очередь за автографом.

Выстроилась она и на приеме в Кремлевском Дворце съездов. Но в тот раз Гагарин, всегда терпеливо расписывавшийся на протягиваемых ему фотографиях и листочках из блокнотов, вдруг все бросил, протиснулся сквозь толпу своих поклонников и сам попросил автограф у невысокой элегантной женщины.

Этой женщиной была Любовь Орлова.

Глава 1

С благословения Шаяпина и Толстого

Григорий Васильевич еще позвонил мне, когда затеял этот свой шедевр – «Русский сувенир»:

– Фаиночка, для тебя есть чудная роль – сплошная эксцентрика. Ты сыграешь бабушку Любочки.

– Гриша, побойся Бога, – не удержалась я. – Мы же с Любочкой ровесницы! Ты подумал, сколько лет должно быть Любочкиной бабушке, доживи она до наших дней!

Фаина Раневская

Любовь Петровна Орлова родилась 29 января 1902 года.

По крайней мере такая дата стояла в ее паспорте. Но ее подруга, великая насмешница Фаина Раневская утверждала, что на самом деле это произошло гораздо раньше: «Никто не скажет, сколько ей лет. Она вообще гениальна: когда выдавали паспорта в начале тех же тридцатых, никаких документов не требовали – можно было назвать любую дату рождения и любое имя тоже... Так Любочка не растерялась и сразу скостила себе десяток лет! Это я, идиотка, все колебалась: стоит ли? Потом подсчитала, что два года я все же провела на курортах, а курорты, как говорят, не в счет, так и появилась в моем паспорте новая дата рождения: вместо 1895-го 1897-й. И только! До сих пор не могу себе простить такого легкомыслия!»

Конечно, острый язык Раневской хорошо известен, так же как и то, что ее высказывания не всегда основывались на фактах. Но на возражения насчет возраста Орловой она парировала: «А вас не удивляет, что Любочка Орлова, которая по всем документам то на пять, то на десять лет моложе меня, состояла в переписке с Львом Николаевичем Толстым?»

Действительно, был в жизни Орловой такой факт, которым она чрезвычайно гордилась – у нее имелись книга и открытка, надписанные Толстым, который, как известно, умер в 1910 году. Открытку она держала в московской квартире, а книга («Кавказский пленник» с надписью «Любочке – Л. Толстой») хранилась во Внукове, на даче, и муж Орловой, режиссер Григорий Александров, любил демонстрировать их гостям и небрежно сообщать, что они дружили семьями.

Впрочем, сама она объясняла это так: «Однажды мама дала мне почитать детские рассказы Толстого. Рассказы мне очень понравились, и я попросила дать мне еще такую же книжку. У мамы не оказалось ничего подходящего. Тогда я сказала, что напишу дедушке Толстому и попрошу его прислать мне еще одну книжечку. Мама засмеялась, но разрешила, и я сочинила такое письмо: “Дорогой дедушка Толстой! Я прочитала твою книжечку. Мне она очень понравилась. Пришли мне, пожалуйста, еще твои книжечки почитать”». Да и по воспоминаниям жены актера Николая Черкасова, Орлова, показывая ей открытку, полученную от Толстого, говорила, что это было его поздравление на ее шестилетие.

Конечно, шестилетний ребенок вряд ли имел возможность на самом деле отправить такое письмо, это было сложно даже технически, ведь его нельзя послать «на деревню, дедушке Толстому». Но написать письмо маленькая Люба все-таки могла, а отправить его адресату могла ее мама, Евгения Николаевна Орлова, состоявшая с великим писателем в родстве – ее дядя Михаил Сергеевич Сухотин был женат на старшей дочери Льва Толстого Татьяне.

Родство Орловых и Толстых несколько не удивительно – русское потомственное дворянство было не слишком многочисленным, и почти у каждого более-менее знатного рода можно найти родственные связи с какими-нибудь знаменитыми историческими личностями. Тем более у такого семейства, как Орловы.

Вообще, родословная Любви Орловой – тема очень любопытная. Ее ближайшие предки – родители, бабушки-дедушки и даже прадеды и прабабки – в принципе известны. Но вот попытки копнуть глубже и выяснить, к какой из ветвей обширного рода Орловых они принадлежали, приводят разных исследователей к разным результатам. И в основном дело именно в том, что Орловых было уж очень много, в Российском государственном историческом архиве (РГИА) хранятся сотни бумаг о подтверждении дворянства разных Орловых. Попробуй тут разберись, кто есть кто и кем кому приходится, особенно учитывая то, что во время революции много документов было утеряно.

Что известно более-менее точно? В основном то, что сама Любовь Орлова указывала в анкетах, которые заполняла при поступлении на работу или перед поездками за границу. Судя по этим анкетам, ее отец, Петр Федорович Орлов, родился в декабре 1867 года, принадлежал к дворянству Полтавской губернии и был внесен в третью часть родословной книги, где указывалось дворянство, выслуженное по гражданскому чину или ордену. Его женой была Евгения Николаевна, урожденная Сухотина, воспитанница Смольного института, 1866 года рождения. У них было две дочери – Нонна, родившаяся 2 декабря 1897 года по старому стилю, и сама Любовь, появившаяся на свет 29 января 1902 года.

Возможно, Орлова была и не совсем точна, например, слегка лукавила в отношении своего возраста, если верить Фаине Раневской (хотя, несомненно, десять лет – это сильное преувеличение), но в целом ее собственные записи все равно остаются самым надежным источником по ее биографии. От нее же известны и данные о ее деде, Федоре Петровиче Орлове, который родился в 1832 году в селении Прасковьинское Константиноградского уезда Полтавской губернии, в 23-летнем возрасте получил диплом ветеринара, в 1870 году стал магистром ветеринарных наук и надворным советником, а в 1897 году получил чин действительного статского советника. Его женой была дворянская дочь Анастасия Станиславовна Вашкевич. У них было четверо детей – три дочери: Татьяна (1862), Вера (1864) и Наталья (1869), и один сын, Петр Федорович, отец Любви Орловой.

На этом факты заканчиваются и начинаются предположения. По данным известного генеалога Р. Г. Красюкова, прадедом актрисы был Петр Михайлович Орлов (1802/3–1838), родившийся в Вознесенске Константиноградского уезда Полтавской губернии в семье священника. Петр Михайлович был лекарем, служил по военному ведомству. Его жена Пелагея Ефимовна Артюхова (1814– после 1839), дочь отставного майора, кроме сына Федора родила ему трех дочерей: Александру (1833), Веру (1834) и Любовь (1836/7).

А внучатая племянница Орловой, Нонна Юрьевна Голикова, в своей книге «Актриса и Режиссер» приводит свою версию родословной Любви Орловой, начиная с XIV века. По этой эффектной версии в ее предках числятся князья, графы и фавориты Екатерины II братья Орловы, точнее, младший из них, Федор, чей сын, Михаил Федорович Орлов, героический участник войны 1812 года, декабрист, женатый на старшей дочери генерала Раевского Екатерине, и стал, по мнению Нонны Юрьевны, предком той ветви рода Орловых, из которой происходила Любовь Петровна.

Другие исследователи и вовсе считают далеким предком актрисы другого, более знаменитого брата – самого Григория Орлова, любовника Екатерины II. Но при всей романтичности этой версии она уж очень маловероятна.

Версия родословной Любви Орловой из книги Дмитрия Щеглова «Любовь и маска»

*Вечная ирония и вечная прозорливость судьбы: лучшая исполнительница
ролей домохозяйек и ударниц коммунистического труда являлась потомком*

десяти русских православных святых, двое из которых – Великая Княгиня Киевская Ольга и Великий Князь Киевский Владимир – причислены к лику равноапостольных.

... Красный Орел в лазурно-золотистом поле – герб Орловых осенял и бежецкую ветвь рода, к которой принадлежала актриса...

Орловы – один из двенадцати русских дворянских родов, ведущих свое начало от легендарного «мужа честна Льва». Родившийся в 1320 году второй сын Великого Князя Владимирского и Тверского Александра Михайловича (казненного в Орде вместе со своим старшим сыном Федором), – потерянный и забытый Тверским Домом в Пруссии и вскормленный на московские деньги, – тверской княжич Лев Александрович прибыл в 1393 году в Москву не один. В старой родословной говорится об этом так: «... у Льва сын Гаврила, у Гаврилы дети Елизар да Дмитрий, а у Елизара дети Федор Беклемиш и от него повелись Беклемишевы... да Афанасий Княжнин и от него Княжнины, а у другого сына Гаврилова, у Дмитрия, сын Фрол и от него повелись Орловы». Опасаясь преследований со стороны Ивана III Васильевича, этот самый Фрол с сыном Тимофеем отъехал «для невзгоды» в Смоленск. Произошло это, вероятно, в 1499 году.

Интересно, что во время Русско-Литовской войны Тимофей Фролович тайно способствовал Василию III овладеть Смоленском, за что был «пожалован» и возвращен в Москву со всеми сыновьями, среди которых был сын Василий. Согласно «Бархатной книге» Василий Тимофеевич носил прозвище «Орел». Его брат Илья был дедом Лукьяна Ивановича, родоначальника бежецкой ветви Орловых, владевшего селом Люткино по Бежецкому Верху в тверских землях. Село это являлось собственностью Орловых и их потомков вплоть до 1918 года. Между младшими отпрысками рода – Григорием и Владимиром, судя по всему, были довольно сложные отношения, которые в конечном счете привели к полному разрыву между московскими и бежецкими Орловыми. Причиной этому явилось, видимо, то, что Владимир Лукьянович не мог простить своему двоюродному брату Григорию Никитичу стремительную карьеру...

Один из двух сыновей Владимира Лукьяновича – Иван – погиб в бою под Конотопом, в том самом бою, в котором крымцы уничтожили почти всю русскую поместную дворянскую конницу. Его сын Иван завершил карьеру в чине стряпчего царицы Прасковьи Федоровны, августейшей супруги царя Иоанна Алексеевича, и умер в 1693 году, не имея никакого отношения к стрелецким войскам и бунту 1696 года, участникам которого веселый царь Петр изволил рубить головы.

О старшем сыне Ивана Ивановича – Григории – стоит сказать особо. Он начинал службу в потешных полках Петра Великого, участвуя затем во всех войнах, которые вела Россия в это царствование. Отличившись во многих сражениях, он стал лично известен императору, который пожаловал его золотой цепью с собственным портретом. В 1722 году – он полковник Ингерманландского полка, в 1738-м – уволен в отставку с производством в генерал-майоры.

Вошедшая на престол императрица Елизавета вспомнила о доблестном офицере, и вскоре в чине действительного статского советника Григорий Орлов был назначен новгородским губернатором. Прославился он прежде всего тем, что отменил и запретил использование пыток на всей вверенной ему

территории, о чем незамедлительно поставил в известность императрицу. Елизавета отнеслась к начинаниям Григория Ивановича благосклонно, а вскоре уже ставила его в пример другим...

Все дети Григория Ивановича Орлова появились на свет от второй жены – Лукерьи Ивановны Зиновьевой, дочери стольника Зиновьева и его законной супруги Марфы Степановны Козловской, ведущей свой род от первого русского князя Рюрика. Думается, всем интересующимся малоизученной биографией народной актрисы СССР, лауреата нескольких Сталинских премий Любови Петровны Орловой будет нелишне узнать, что только эта Лукерья Ивановна Зиновьева принесла в ее род кровь семнадцати правителей России, двадцати восьми великих и удельных князей, семи шведских монархов, двух императоров Византии, трех половецких и семи монгольских ханов, короля Англии Гарольда II, а также семнадцати российских князей, принадлежавших к родам Козловских и Шаховских, не считая немецких графов и татарских мурз. Десять ее предков, известных своими подвигами на христианском поприще, как уже было сказано, канонизированы и причислены Русской Православной Церковью к лику святых.

Из шести сыновей Лукерьи Зиновьевой, олицетворявших славу рода, первенство безусловно принадлежит Светлейшему Князю Римской империи Григорию Григорьевичу Орлову. Близкое знакомство и расположение Екатерины поставило его во главе заговора 1762 года, после которого он был усыпан коронованной императрицей несметным количеством титулов, должностей и чинов. Влияние его неимоверно росло, в 1763 году император Священной Римской империи возвел Григория Орлова в достоинство Светлейшего Князя...

Четвертый по старшинству из братьев Орловых – Федор Григорьевич – произвел на свет сына, заслуживающего, по совести говоря, отдельного жизнеописания. Но прежде стоит вспомнить, что и сам Федор Григорьевич оказал влияние на ход русской истории. Участник заговора 1762 года, он был возведен вскоре в графское достоинство; в 1763 году Орлов уже стал 4-м обер-прокурором Сената; затем в чине генерал-майора участвовал в экспедиции русского флота в Архипелаг. Под предводительством своего старшего брата, Алексея Орлова-Чесменского, он произвел высадку в греческой провинции Морее и с ходу, с горсткой людей, взял несколько крепостей неприятеля. В Морее братья Орловы провоцировали восстание греков, возглавить которое должен был Федор Григорьевич. И хотя восстание размаха не получило, вплоть до начала XIX века греки считали Федора Орлова своим национальным героем.

25 марта 1788 года Татьяна Федоровна Ярославова, его гражданская жена, родила ему сына Михаила. Восемь лет спустя судьба в лице Екатерины II словно в предвидении блестящего будущего Михаила специальным указом предоставила ему (наравне с другими воспитанниками Ф. Г. Орлова) дворянские права и герб рода.

«Поздравляю вас: ваше имя связано с великим событием», – обняв 26-летнего полковника, сказал Александр I после подписания французами в 1814 году капитуляции, условия которой в расположении неприятельского командования составил Михаил Орлов.

В 1807 году во время войны в Пруссии 19-летний корнет отправлен в ставку Наполеона с предложениями о перемирии, переросшем вскоре в Тильзитский мир.

В биографии Михаила Орлова около пяти встреч с Бонапартом. В 1812 году, будучи во главе разведслужбы штаба 1-й Западной армии, он направлен в ставку Наполеона с предложением разрешить конфликт мирным путем. Собранные Орловым разведданные позволили русскому командованию принять стратегически верные решения о методах ведения войны.

После сражения под Смоленском он вновь в ставке французского императора – на этот раз с целью узнать о судьбе раненого и взятого в плен генерал-майора П. А. Тучкова-Зего...

Затем – Бородино, Малоярославец, Верея... Начальник штаба отдельного кавалерийского отряда генерал-майор Михаил Орлов первым ворвался в Верею с авангардом отряда, за что и был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. С начала и до конца 1813 года он командовал отдельными партизанскими отрядами; за взятие совместно с отрядом Д. В. Давыдова Дрездена произведен в полковники, а годом позже за совокупность боевых заслуг и решающую роль в переговорах о капитуляции Парижа – в генерал-майоры.

В том же 1814 году, будучи во главе международной комиссии держав-победительниц, он с блеском разрешает конфликт между Норвегией, Данией и Швецией...

В начале 1815 года после встречи с графом М. А. Дмитриевым-Мамоновым он создает первое тайное общество – «Орден Русских Рыцарей», ставившее перед собой довольно обширные и традиционные задачи: борьба с лихоимством и взяточничеством, всевозможными беспорядками внутреннего управления, а также создание условий для отмены крепостного права... Тогда же Орлов передает государю некий адрес об уничтожении крепостного права – может быть, первая гласная попытка такого рода в XIX веке, – подписанный высшими сановниками, в числе которых князь И. В. Васильчиков, граф М. С. Воронцов, Д. Н. Блудов. Два года позже, уже в другой записке, более частной, носившей характер протеста против польских конституционных учреждений, Михаилу Орлову удалось добиться реакции императора. К тому времени он уже вступил в «Арзамас», где познакомился с Пушкиным, дружбу с которым поддерживал до конца своих дней. Александр I пригласил Михаила Орлова к себе, потребовал у него составленный документ. Дело принимало совсем скверный оборот (объятия 1814 года были забыты) – не желая выдать соучастников, Орлов отказался передать записку. Вскоре последовал приказ о переводе его в Киев. Неужемность его деятельной натуры проявилась и здесь, где его стараниями захудалая школа кантористов при штабе корпуса превратилась за два года в образцовое военное училище – лучшее в то время в России.

В Киеве Михаил Федорович познакомился с дочерью Николая Николаевича Раевского (командующего корпусом) Екатериной, которая была рождена в полевых условиях (непосредственно под стенами осажденного русской армией Дербента). Мать ее, Софья Алексеевна Раевская, была урожденной Константиновой и являлась внучкой М. В. Ломоносова.

Безнадежно влюбленный в Раевскую Пушкин в день официальной помолвки ее с Михаилом Орловым только по личной просьбе Екатерины Николаевны не вызвал Орлова на дуэль. Отсюда потом его знаменитое: «Мне так тяжело, так трудно видеть их вместе». Раевская даже не позволила Пушкину объясниться ей в любви... Более 20 портретов

Екатерины Николаевны – Марины Мнишек – оставил Пушкин на полях рукописи «Годунова». Была она горда, умна, сильной воли и твердого характера; считалось, что Михаил Федорович находился у нее под каблучком; родственники и друзья именовали ее «Марфа-Посадница»...

Когда Михаил Орлов вышел из «Союза Благоденствия» (из-за недостаточной, по его мнению, радикальности верхушки), вряд ли он предполагал, что уже через несколько лет отойдет от какой-либо активной политической деятельности... Во время восстания на Сенатской площади он был арестован первым среди московских декабристов. За шесть месяцев следствия в Петропавловке с ним виделся только его брат – граф Алексей Федорович Орлов, имевший несомненное влияние при дворе... Ему было предписано выйти в отставку и выехать в ссылку под надзор местного начальства – это был довольно мягкий приговор...

В ссылке Михаил Федорович пробыл вплоть до 1831 года, после чего, мирно вернувшись в Москву, стал членом сразу нескольких научных и литературно-художественных обществ. Последние десять лет его жизни – своеобразная антитеза бурной военно-политической молодости. В 1832 году он стал одним из организаторов и основателей Московского художественного общества, которое объединило художников любителей и профессионалов; этого ему показалось мало, и он создает в Москве общедоступную школу художеств. После смерти Орлова школа получила официальное признание правительства и с 1843 года стала называться Московским училищем живописи и ваяния. Позднее к нему присоединилась архитектурная школа, и с 1905 года рескриптом Николая III училищу дарованы права высшего учебного заведения...

В марте 1842 года при большом скоплении народа Михаил Орлов был похоронен у стен Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Могила его сохранилась.

Вторая часть жизни Николая Михайловича (родившегося 20 марта 1821 года, до официального вступления в брак родителей) расцвечена всевозможными орденами и медалями; в 1847 году он участвовал в походе против горцев, за что был награжден Святой Анной 4-й степени; год спустя подавлял венгерский мятеж, не разминувшись он и с Крымской войной; за отличие в сражении под Карсом ему объявлено Высочайшее благоволение... Унтер-офицер, юнкер, корнет, поручик, ротмистр, уволенный в отставку в чине надворного советника, в 1860–1861 годах он – депутат дворянства Петергофского уезда; позже – царскоесельский уездный предводитель дворянства... А между тем все это – лишь вынужденный перечень заслуг и достижений, следствие одного скандала, разразившегося в начале 40-х годов, когда Николай Орлов еще учился на философском факультете Московского университета... Многие из знавших Николая Михайловича предсказывали ему блестящую научную карьеру... Любовь к Анне Дмитриевне Бутурлиной, родившей от него двоих сыновей, перевернула всю его жизнь. В брак им вступить не разрешили, и – видимо, это был действительно громкий скандал, – бросив науку, Николай Михайлович поехал под пули горцев на Кавказ...

Только личным указом Николая I можно объяснить тот факт, что оба сына Бутурлиной – Дмитрий и Федор получили фамилию Орлов...

Детство Любы Орловой прошло в Москве и подмосковном Звенигороде, где она родилась. В советские годы она редко говорила о своем дворянском детстве, но по обрывочным свидетельствам можно судить, что было оно вполне счастливым и вполне стандартным. Зимой Орловы в основном жили в Москве, в квартире на Спиридоновке, около Патриарших прудов, а летом выезжали в поместье, принадлежащее Евгении Николаевне. Нонна и Люба воспитывались гувернанткой, учились музыке и танцам, ходили в гимназию и практически ничем не отличались от тысяч своих ровесниц из русских дворянских семей.

Правда, родители ее были людьми с артистическими наклонностями (в той мере, которая была позволена в приличном обществе), и благодаря их родственным связям с Толстым и дружбе с представителями предреволюционной богемы Любе Орловой посчастливилось еще в детстве проявить свои артистические таланты. Ее отец был дружен не с кем-нибудь, а с самим Шаляпиным, великим певцом и уже тогда практически живой легендой. Он часто бывал у них в усадьбе, а они, в свою очередь, приезжали к нему в его имение Ратухино на Волге. Общались они и в Москве, где Шаляпин не раз устраивал в своем доме на Новинском бульваре и у своих богатых друзей-меценатов детские праздники. В одном из них, на котором дети разыгрывали музыкальную сказку «Грибной переполох», принимала активное участие и маленькая Люба Орлова.

Надо сказать, что детские праздники, которые любили проводить в то время артисты и меценаты, были не просто привычными нам утренниками. И прежде всего не из-за маленьких артистов, а потому что устраивали их настоящие гении, без всякого преувеличения. Пьесы писали серьезные драматурги, пению детей обучали певцы с мировым именем, декорации и эскизы костюмов рисовали художники, чьи картины теперь висят в Русском музее и Третьяковке.

Праздник, в котором участвовала Люба Орлова, не был исключением. Спектакль был поставлен по детской опере автора песенки «В лесу родилась елочка» Е. Ребикова. Режиссерами на нем были жена Шаляпина и артист МХТ Александр Адашев, декорации расписывал сам Кустодиев, а детали оформления перед ним делали в мастерских частной оперы Зимина. Костюмы для юных артистов были заказаны у известной московской модельерши Ламановой, которая впоследствии одевала и взрослую, уже знаменитую Любовь Орлову. А афиша спектакля была нарисована знаменитым театральным художником Леоном Бакстом.

Любе Орловой досталась роль Редьки – небольшая, но заметная. Она пела и соло, и в дуэте с другим овощем, Горохом, и в хоре вместе с остальными детьми. Поскольку среди участников было немало известных людей (или ставших известными впоследствии), о нем сохранилось немало воспоминаний, пусть и довольно смутных. Но все сходятся на том, что маленькая белокурая Любочка в розовом платье имела большой успех.

Драматург и первый советский сценарист Иосиф Прут вспоминал: «В особняке на Новинском бульваре давался детский бал. Ф. Шаляпин имел обыкновение трижды в году устраивать для своих детей и их друзей воскресные утренники.

Праздничный зал: яркие костюмы, музыка – все это завораживало собравшуюся детвору. Среди приглашенных был и я – восьмилетний мальчик, ученик приготовительного класса – единственный в гимназической форме.

Юные гости все прибывали – знакомые мне и не знакомые. Радушный хозяин дома, казавшийся нам таким огромным, приветствовал входящих своим громовым голосом. И вдруг в дверях показался... ангел. Весь в чем-то розовом, воздушном... Это была маленькая девочка, белокурые локоны спадали на ее плечи. Шаляпин поднял ее на руки. Я смотрел на нее как завороченный... и очнулся, когда услышал голос хозяина:

– Дамы приглашают кавалеров!

И тогда это розовое облако подплыло ко мне и произнесло:

– Я вас приглашаю, кавалер!

Так произошло мое знакомство с Любовью Петровной Орловой, которой в ту пору было шесть лет. С Ирочкой, старшей дочерью Федора Ивановича, моей сверстницей, мы были на «ты». Но к розовому ангелу я обратиться на «ты» не посмел. Вот с тех пор мы и говорим друг другу «вы»...

После представления Шаляпин, как с удовольствием потом рассказывали родственники Любы Орловой, подхватил ее на руки, поцеловал и воскликнул: «Эта девочка будет знаменитой актрисой!»... Правда, у самой Орловой было достаточно чувства юмора, чтобы, рассказывая об этом семейном предании, добавлять, что всех других исполнителей того спектакля он тоже подбрасывал на руках и целовал. А может, и обещал им великое артистическое будущее. Если и так, то процент сбывшихся предсказаний все равно остается высоким – кроме Любы Орловой, знаменитыми стали еще два юных участника спектакля. Это дочь самого Шаляпина, Ирина, прекрасная театральная актриса, не посрамившая своей знаменитой фамилии, и Максим Штраух, сыгравший в спектакле «Боровичка» (или «Рыжика» – свидетельства очевидцев в этом вопросе несколько расходятся) и ставший впоследствии народным артистом и главным Лениным советского кино – он сыграл вождя пролетариата в одиннадцати фильмах и спектаклях.

В жизни актера первое появление на сцене зачастую обозначает начало его творческого пути. В моей жизни оно состоялось очень рано, но не обозначало ровно ничего. О своем первом сценическом выступлении я все же рассказываю потому, что оно среди воспоминаний детства самое любимое. Оно связано с именем замечательного артиста Федора Ивановича Шаляпина, с которым мне довелось в детские мои годы повстречаться и даже подружиться, хотя я в то время была весьма обыкновенным ребенком, а он – великим и заслуженно прославленным артистом.

В доме Шаляпиных по случаю какого-то праздника ставили детскую оперетту «Грибной переполох», мне выпало играть роль Редьки. Я, разумеется, не помню, как изобразила этот овощ, помню лишь, что Шаляпин поднял меня и расцеловал, впрочем, как и всех маленьких участников спектакля. Он сказал, что из меня выйдет артистка.

Похвала Шаляпина преисполнила меня детским, а отца с матерью родительским тщеславием. Но о возможности актерской карьеры не подумали ни они, ни тем более я. В семье у нас уже давно было решено, что я стану пианисткой.

Но этим «пророчеством» знакомство Любы Орловой и Шаляпина не ограничилось. Она дружила с его дочерьми и часто бывала у них в гостях, но, конечно, взрослые не обращали особого внимания на детей. Однако ее знакомые вспоминали, что она умудрилась еще раз обратить на себя внимание великого певца – разбила вазу, которую он привез из-за границы. Но то ли ее знаменитое очарование работало уже тогда, то ли Шаляпина просто так растрогал вид рыдающей девочки, что он не стал ругаться и даже сам разбил еще одну вазу и сказал ей: «Ну вот, теперь мы с тобой оба одинаково виноваты!»

Как бы то ни было, но Шаляпин запомнил Любу Орлову и в ноябре 1909 года подарил ей свой фотопортрет с надписью: «Маленькому дружку моему Любочке с поцелуем дарю сие на память. Ф. Шаляпин». А в августе следующего года переписал для нее текст популярного романа «В стекла бьется нам ветер осенний». На этом же листе он набросал пером свой автопортрет и подписал «Милой Любочке на память» и ниже строки известного стихика: «Дети, в школу собирайтесь! Петушок пропел давно. Попроворней одевайтесь, смотрит солнышко в окно». Видимо, это было связано с началом учебного года.

Училась Люба, кстати, в Москве, в женской гимназии Алелековой, в районе Никитских ворот. Кроме того, она серьезно занималась музыкой, как, впрочем, и ее сестра Нонна, игравшая на скрипке. Но Люба, по-видимому, унаследовала музыкальные таланты от обоих родителей – ее мать прекрасно играла на пианино, а отец обладал неплохим голосом, благодаря чему их музыкальные вечера всегда пользовались успехом. «Любимым мной в те годы пением были ария Тамары из “Демона” и цыганский романс “Гай-да, тройка!”». Впрочем, я любила все, что пелось у нас в доме, все, что игралось руками матери и ее друзей музыкантов, любила слушать музыку во время игр и занятий, любила засыпать под звуки музыки Чайковского, Шопена, Моцарта, – вспоминала Любовь Орлова спустя много лет. – Дома будущее мое было предопределено. Родители решили, что я буду пианисткой, и поэтому мама очень рано начала давать мне систематические уроки. Я была прилежной ученицей, и когда семилетней меня привели на экзамен в Ярославское музыкальное училище, после двух или трех сыгранных мной пьесок меня с похвалой зачислили на первый курс. Но не было предела изумлению учительницы, когда в первый же день занятий она выяснила, что я не знаю ни одной ноты, что на экзамене я играла все на память (так учила меня мама). Впрочем, нотная грамота далась легко и не задержала моей учебы».

О том, чтобы пойти в артистки, конечно, тогда и речи не было, это неподходящая стезя для приличной барышни из хорошей семьи. Но... близился 1917 год, который все изменил и перевернул в жизни каждого жителя Российской Империи.

«Жизнеописание Орловой поневоле ведет за собой изложение истории страны, – пишет Александр Хорт. – Еще ребенком она стала невольной свидетельницей трех революций – одной в 1905 году и двух в 1917-м. Ни один россиянин не мог остаться в стороне от социальных катаклизмов. Вслед за войной с Японией монотонно потекла Первая мировая, которую Россия тоже проигрывала. Были столкновения на улицах, забастовки, карательные экспедиции в деревнях. Несмотря на все передраги, общество не заразилось беспощадным унынием: театры не оставались без зрителей, издавались новые журналы, выходили книги, художники писали картины, ставшие потом хрестоматийными и осевшие в лучших коллекциях мира.

Осенью 1917 года до предела обострилась постепенно нарастающая межпартийная грызня; на смену Временному правительству шли уверенные в себе большевики во главе с Лениным и Троцким, многих увлекла анархистская стихия. Одни клеили на стены домов плакаты с призывами, другие тут же срывали их или заклеивали своими, завязывались потасовки. Наконец прогремел выстрел «Авроры», и люди стали жить «под большевиками». Все привычные нормы жизни рухнули, в стране наступила полоса неопределенности. Многие не знали, поддерживать ли Советскую власть, выступить против нее или тихо саботировать. Остаться в «Совдепии» и попытаться приспособиться к новым условиям или бежать за границу, пока не поздно? А может, лучше уехать в глубинку, где удастся относительно спокойно переждать смутные времена?

Подобно многим другим, Орловы тоже была выбиты из привычного ритма. Новая власть при каждом удобном случае твердит о равенстве, а таковым и не пахнет. Одни чувствуют себя хозяевами положения, а других, вроде Орловых, называют обидным словом «бывшие». Семья оказалась в трудном материальном положении. Ко всему прочему, оно объяснялось тем, что незадолго до переворота глава семьи проиграл в карты звенигородское имение. Позже шутил – хорошо, мол, что вовремя проиграл, иначе бы большевики отобрали, было бы еще обиднее».

Возможно, Петр Федорович был по-своему прав и то, что он в своем азарте разорил семью, действительно пошло им на пользу. Революцию Орловы встретили уже практически бедными людьми, гордыни у них сильно поубавилось, зато появилось умение экономить, зарабатывать и вообще выживать любым способом, чего большинство их знакомых не умело. И даже надменная Евгения Николаевна уже успела смириться с тем, что ее Любочка станет не

просто хорошей пианисткой, а пианисткой-аккомпаниатором или даже в крайнем случае тапершей, то есть будет зарабатывать на жизнь своим музыкальным талантом.

Действительно, дореволюционная гордыня осталась в прошлом. Орловы больше не отдыхали в поместьях и не давали музыкальных вечеров в московском особняке. Они перебрались в маленькое имение Сватово, полученное Евгенией Ивановной в приданое и еще не отобранное, где и смогли выжить в голодные годы Гражданской войны благодаря огороду и наличию коровы. Теперь они оказались в положении крестьян и на собственном опыте узнали, что такое сельская жизнь и как одна корова может накормить целую семью. Их рогатая спасительница давала столько молока, что его хватало на всех и даже оставалось на продажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.